

Сальков П. А... [Рецензия] / П. А. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос.ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск, 2010. — Вып. 5. — С. 337—342. — Рец. на кн.: Петар Драгишић. Jugoslovensko-bugarski odnosi: 1944.—1948 / Petar Dragisić. Beograd : Institut za noviju istoriju Srbije, 2007. 270 str. (Biblioteka Studije i monografije, knj. br. 38).

ПЕТАР ДРАГИШИЋ. Jugoslovensko-bugarski odnosi: 1944.—1948 / Petar Dragisić. Beograd : Institut za noviju istoriju Srbije, 2007. 270 str. (Biblioteka Studije i monografije, knj. br. 38).

Монография сербского историка Петара Драгишича «Югославско-болгарские отношения. 1944—1948» посвящена одному из ключевых периодов в истории отношений двух соседних стран. Данная проблема или отдельные ее аспекты неоднократно освещались марксистской историографией как в Болгарии [1; 2; 3, с. 52—74], так и, особенно, в Югославии [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Научные исследования социалистического периода заложили хорошую основу научной разработки вопроса, однако они отличались методологической однобокостью и относительно узкой источниковой базой.

Общественно-политические трансформации начала 1990-х гг. в Юго-Восточной Европе и сопутствовавшие им «архивные революции» вывели проблему на новый уровень исследования и обобщений. Наибольшие достижения на данном этапе имеются у болгарских историков. М. Лалков проанализировал генезис идеи федерирования Болгарии, Югославии и Албании в рамках советского блока, а также все варианты попыток практической реализации этой идеи [11]. Д. Ми-чев сконцентрировался на македонском вопросе как ключевой проблеме болгаро-югославских отношений, решение которого путем объединения двух государств наибольшим образом мотивировало их в высшей мере активное политическое взаимодействие [12]. В. Ангелов впервые комплексно осветил политику насильственной македонизации населения болгарской части исторической Македонии — Пиринского края, призванную создать предпосылки для объединения Пи-ринской Македонии с югославской Народной Республикой Македония (НРМ) в рамках болгаро-югославской федерации [13]. В монографии Е. Калиновой и И. Боевой попытки создания Балканской федерации прослежены на широком фоне болгарских общественно-политических трансформаций со времен Второй мировой войны до настоящего времени [14].

Новая македонская историография, развивая традиции разработки проблемы в «югославской» Македонии, пополнилась монографией Н. Вельяновского, посвященной ключевой роли македонского вопроса в болгаро-югославских отношениях. Причем автор не остановился на рубеже 1948 г., когда получивший публичный аспект советско-югославский конфликт прервал далеко зашедший процесс интеграции. Н. Вельянов-ский включил в свой анализ и «поздний сталинский период» — вплоть до 1953 г., показав роль македонского фактора в новом болгаро-югославском разрыве [15].

Российская историография проблемы представлена капитальной коллективной монографией, подготовленной в 2004 г. в Институте славяноведения РАН. Е. Ю. Гуськова на фоне общегосударственных особенностей национальной политики в Югославии в 1944—1948 гг. показала сложные и противоречивые национальные процессы в НРМ [16, с. 464—466]. Ю. Ф. Зудинов, говоря о межэтнических отношениях в Болгарии, особо остановился на их македонском аспекте, характеризовавшемся волной македонского национализма в югославской Вардарской Македонии и насильственной македонизации в болгарской Пиринской Македонии. После долгого лавирования София восприняла концепцию И. Б. Тито о «македонской

нации» в югославской части Македонии и «македонском меньшинстве» — в болгарской. Именно это во многом определяло характер и этапность создания «южнославянского государства, включенного в орбиту Москвы и простиравшегося от Адриатики до Черного моря» [16, с. 489—495].

В белорусской исторической науке проблема затронута в статьях автора данной. Рассмотрены истоки, а также особенности затяжного болгаро-югославского территориального конфликта и в межвоенный период, и в годы Второй мировой войны, и в ходе попыток послевоенного строительства Балканской федерации. Особый упор делается на советской концепции урегулирования и стремлении одновременно и комплексно решить в своих интересах оба болгаро-югославских конфликта, связанных с Македонией и Западными окраинами [17;

18; 19].

Монография П. Драгишича, таким образом, ликвидирует «отставание» сербской историографии в новом освещении ключевых проблем югославско-болгарских отношений в первые послевоенные годы, богатые драматичными и судьбоносными событиями. Она выполнена на основе внушительного пласта документальных источников из сербских архивов — Архива Югославии, Дипломатического архива, Архива Сербии, Архива военно-исторического института, Архива Йосипа Броз Тито. Автор привлек

материалы югославской периодики, широкий круг документальных публикаций, мемуарных источников, включил в свой научный анализ около 60 исследований по теме сербских, болгарских, македонских, хорватских, немецких историков. Обращает внимание полное отсутствие в списке источников богатейших российских документальных сборников — «Отношения России (СССР) с Югославией. 1941—1945» (М., 1998), «Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944—1945», «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953: в 2 т.» (М., 1997—1998), «Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953: в 2 т.» (М., 1999—2002), «Совещания Комин-

форма. 1947, 1948, 1949» (М., 1998). Не использованы исследования видных российских историков-балканистов. Это несколько обеднило научное поле автора, затруднило показ адекватного участия СССР в становлении югославо-болгарских отношений, выработке идеи и попытках практической реализации Балканской федерации, в последовавшем разрыве отношений между Болгарией и Югославией.

Монография состоит из трех пространных глав. В первой «От оккупанта до союзника (1944—1945)» рассмотрены совместные военные действия болгарских войск и Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) по окончательному освобождению югославских земель. Формально союзничество было закреплено соглашением Тито с болгарским министром без портфеля Добри Терпешевым и посланником Петром Тодоровым 5 октября 1944 г. в румынском городе Крайове. Автор акцентирует внимание на том, что югославское руководство, проинструктированное из Москвы, приняло такую модель участия болгарских войск в военных действиях, которая не предполагала их подчиненности командованию НОАЮ (с. 21—27). Это давало возможность хотя бы частичной реабилитации Болгарии, являвшейся участником фашистской «оси» с марта 1941 по сентябрь 1944 г., позволяло ей улучшить свой международный имидж. Вместе с тем ряд источников свидетельствует о трудностях для югославов принять трансформацию образа болгарского оккупанта в образ болгарского союзника, да еще и освободителя. По-разному оценивался и военный вклад болгар (с. 27—31).

Установление новых режимов в Югославии и Болгарии в конце Второй мировой войны открыло новую главу в отношениях двух стран. Идеологическое единство КПЮ и БРП(к), а также их фактическая подчиненность советскому центру давали возможность строительства двусторонних отношений на целиком новых основах, свободных от груза прошлых конфликтов. Однако этому зачастую мешали новые инциденты, сопутство-

вавшие болгарским военным операциям в Югославии. Тем не менее Болгария и сама вносила существенный вклад в преодоление своего имиджа неприятеля. Это выразилось в оказании различных видов материальной поддержки югославам — военным обмундированием, работами по восстановлению коммуникаций, организацией медицинской помощи, поставками товаров по специальным кредитам. В начале 1945 г. в Болгарии была развернута массовая кампания по сбору гуманитарной помощи освобожденным югославским районам, которая затронула все слои болгарского общества. Наиболее известной была акция помощи 11 тысячам югославских детей из социально необеспеченных слоев (с. 40—46). Были установлены экономические, культурные, спортивные связи, начался обмен делегациями.

Наиболее деликатной проблемой стало рассмотрение различных проектов будущего федерирования. Однако развитие переговоров к январю 1945 г. было свернуто (а точнее, отсрочено) из-за вмешательства западных союзников. Для Англии южнославянская федерация угрожала бы ее интересам в Греции, а для США — во всем Восточном Средиземноморье. Приостановлению переговоров послужила и другая, внутренняя, причина — расхождение во взглядах югославского и болгарского руководства в вопросе о способе установления федерации, и особенно ее структуре. Югославия видела Болгарию седьмым субъектом своей формирующейся федерации, Болгария же стремилась к паритетной модели объединения двух стран. На деле, как уверен автор монографии, кроме абстрактной решимости объединиться, во всех остальных вопросах компромисс был труднодостижим или даже вообще невозможен

(с. 79—80).

Традиционным пунктом противоречий был македонский вопрос. Он предстал в новых исторических реалиях и обстоятельствах, но, пережив все политические перемены в обеих странах, не утратил своей остроты и сложности. Официальная София поспешно признала Вардарскую Македонию в качестве югославской федеральной единицы. Однако поток критики в адрес югославской политики в этом крае исходил от болгарских оппозиционных сил, которые не были связаны условностями политкорректности по отношению к коммунистическим властям Югославии. Новым аспектом македонского вопроса стало требование Белграда присоединить Пиринскую Македонию к НРМ. София его отклонила, но продемонстрировала готовность пойти на «македонизацию» населения Пиринского края.

К объединению же двух частей Македонии Болгария была готова лишь в случае создания болгаро-югославской федерации. Причем желала вернуть Западные покраины (Тимошко, Цариброд, Босилеград, Струмица) с преимущественно болгарским населением, перешедшие к Королевству СХС по Нейискому мирному договору (1919). Югославия остро и болезненно реагировала на любые попытки усиления болгарского влияния в Царибродском и Босилеградском срезях (уездах), что выразилось в вытеснении болгарского языка из системы образования и исключении этих районов из программ болгарской продовольственной помощи

(с. 100—108).

Вторая глава «К установлению прочных связей (1946 — весна 1948)» начинается с рассмотрения ключевого события в политических отношениях двух стран — их совместных инициатив на Парижской мирной конференции 1946 г. Болгарская делегация получила (несмотря на определенные расхождения в позициях) существенную помощь от югославской делегации, представлявшей стан стран-победителей (с. 112—116). София получила свободу рук в деле возобновления переговоров о федерации лишь после подписания 10 февраля 1947 г. мирного договора и признания своего правительства западными странами. Болгаро-югославские переговоры возобновились в начале августа на озере Блед и завершились в конце ноября 1947 г. в Евк-синограде. Их результатом стало подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также комплекса сопутствующих соглашений. Все документы принимались в помпезной атмосфере, обеспеченной пропагандистской поддержкой СМИ

(с. 120—131, 136—141). По сообщениям югославского посольства в Софии, болгарское общество было подготовлено и ожидало образования Южнославянской федерации. Новый статус югославо-болгарских отношений рассматривался и как возможное начало формирования советского военно-политического блока на Балканах и во всей Восточной Европе.

Период 1946 — весны 1948 г. был плодотворным этапом в культурных и экономических связях. В мае 1947 г. была подписана конвенция о сотрудничестве в области культуры и образования. Амбициозные планы экономического сотрудничества были обсуждены еще в Бледе, что было особенно важно для Болгарии, отличавшейся более медленным ростом народного хозяйства. Экономическое соглашение было заключено 1 августа 1947 г. Смешанные комиссии стали разрабатывать планы сотрудничества в различных сферах. Особенно это касалось координации планирования, общего использования ресурсов и переработки сырья, научного сотрудничества, обмена специалистами.

Ради укрепления союзнических отношений с Югославией Болгария была вынуждена пойти на некоторые уступки в македонском вопросе. Новую политику в Пиринском крае официально закрепили в августе 1946 г. решения X пленума ЦК БРП(к). София была не готова к воссоединению болгарской и югославской частей Македонии, но решительно пошла на укрепление македонского национального самосознания в крае, фактически отказавшись от традиционной политики непризнания македонского этноса. Здесь появилась македонская библиотека, македонская пресса (газета «Пиринско дело» начала печатать ряд текстов на македонском языке). Болгарские власти перестали препятствовать самоназванию «македонец» в ходе переписи населения. Однако югославская сторона, несмотря на эти болгарские уступки, сохранила критическое отношение к болгарской политике в Пиринской Македонии, в том числе и в период дискуссий по проекту новой конституции Болгарии. Политика «македонии-зации» болгарской части Македонии особенно усилилась после переговоров в Бледе. Была предпринята попытка ввести преподавание македонского языка в Пиринском крае, для чего туда прибыло около 100 учителей из НРМ, что явилось высшей точкой этой политики (с. 171—195).

Однако большие ожидания не оправдались. Вскоре выяснилось, что Евк-синоград и договор о дружбе были высшей точкой сближения двух соседних государств. Поскольку вопрос о федерации не был решен, то было отложено и определение статуса Пиринской Македонии. В начале 1948 г. открылся последний этап двусторонних переговоров о федерации (на этот раз с присоединением к ней и Албании), инициированный Москвой. Однако «план Сталина», воспринятый Софией, не был принят Белградом. Югославское руководство существенно изменило свое отношение к идее федерации, усматривая в ней помеху югославской независимости и экономическим интересам.

Третья глава «Резолюция Коминформа — начало вражды» в двух своих параграфах «Государства в конфликте» и «Люди в конфликте» посвящена анализу причин и механизма болгаро-югославского разрыва. Еще с весны 1948 г. в Болгарии началось критическое переосмысление собственной политики в Пиринском крае, шедшей в ущерб национальным и государственным интересам. Антиюгославская же резолюция Коминформа от 28 июня 1948 г., которая придала публичный аспект советско-югославскому конфликту, оказала определяющее влияние на болгарское руководство. Она освободила Болгарию от необходимости ради сближения с Югославией идти на дальнейшие уступки в своей части Македонии.

Болгария, как и другие страны формирующегося советского блока, оказалась в этом конфликте на стороне СССР, что привело к стремительным изменениям в болгаро-югославских отношениях. Югославские надежды на возможную поддержку Софии рассеялись уже на этапе переписки между руководством КПЮ и ВКП (б). Хотя югославские источники говорят о различных точках зрения на развитие конфликта в болгарском ру-

ководстве, официальная София строго следовала политике Коминформа, а точнее — Советского Союза, по отношению к Тито и Югославии (с. 197—205). По инициативе Болгарии были прекращены экономические и культурные связи с Югославией. По решению XIV пленума ЦК БРП (к) в середине июля 1948 г. была прекращена политика «ма-кедонизации», македонские школы и библиотеки были закрыты.

В конце 1949 г. в ходе политического судебного процесса над Трайчо Костовым антиюгославская пропагандистская кампания в Болгарии достигла своего пика. Вскоре в ответную медийную войну включилась и Югославия. Резко обострилось положение на границе — обе стороны обвиняли друг друга в провокациях, объявлялось об аресте лазутчиков, преследовались граждане сопредельного государства, шли военные приготовления (с. 214—228). По согласованию с Москвой Болгария 1 октября 1949 г. денонсировала договор о дружбе с Югославией, чем лишь формально подтвердила существующее положение дел.

Урегулирование советско-югославских отношений после 1953 г. открыло дорогу и нормализации отношений между НРБ и ФНРЮ. Однако идея федерирования двух государств, которая не была реализована во второй половине 1940-х гг., больше никогда не ставилась в политическую повестку дня.

В целом следует отметить высокий уровень монографии П. Драгишича, отражающей сегодняшние достижения исторической славистики. Книга заслуживает высокой оценки по методу исследования, приведенной аргументации, сделанным выводам. Монография П. Драгишича в ряду других исследователей проблемы позволяет максимально полно осветить примечательную попытку объединения двух государств на основе общих идеологических ценностей, а также во имя урегулирования имевшегося между ними национально-территориального конфликта. Попытку тем более примечательную, что ни предшествующие, ни последующие опыты подобного свойства в новейшей истории Европы не были успешными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панайотов, Любомир*. Македонският въпрос и българо-югославските отношения / Любомир Панайотов, Костадин Палешутски, Добрин Мичев. София : Издателство «Христо Ботев», 1987. 127 с.
2. *Даскалов, Георги*. Българско-югославски политически отношения, 1944—1945 г. / Георги Даскалов. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридский», 1989. 330 с.
3. *Исусов, Мито*. Сталин и България / Мито Исусов. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридский», 1991. 226 с.
4. *Чинго, Никола*. Политиката на БРП (к) спрема македонското прашане во периодот 1944—1948 / Никола Чинго. Скопје : Наша книга, 1976. 285 стр.
5. *Mojsov, Lazo*. BRP (k) i makedonsko nacionalno pitanje / Lazo Mojsov. Skopje : Nasa kniga, 1978. 285 str.
6. *Nesovic, Slobodan*. Bledski sporazumi: Tito — Dimitrov (1947) / Slobodan Nesovic. Zagreb : Globus, 1979. 261 str.
7. *Skakun, Milan*. Jugoslovensko-bugarski odnosi / Milan Skakun. Beograd : Jugostampa, 1979. 246 str.
8. Jugoslovensko-bugarski odnosi u XX veku: zbornik radova / urednik Zivko Avramovski. Beograd : Institut za savremenu istoriju, 1980. 380 str.
9. *Avramovski, Zivko*. Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarskom savezu i federaciji (1944—1947) / Zivko Avramovski // Istorija 20. veka. 1983. № 2.
10. *Petranovic, Branko*. Balkanska federacija 1943—1948 / Branko Petranovic. Beograd : Zaslun, 1991. 206 str.
11. *Лалков, Милчо*. От надежда към разочарование: Идеята за федерацията балканския юго-исток (1944—1948 г.) / Милчо Лалков. София : Век, 1994. 304 с.
12. *Мичев, Добрин*. Македонският въпрос и българо-югославските отношения, 9 септември 1944—1949 / Добрин Мичев. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридский», 1994. 509 с.
13. *Ангелов, Веселин*. Хроника на едно национално предателство: Опитите за насилствено денационализиране на Пиринска Македония (1944—1949 г.) / Веселин Ангелов. Благоевград : Университетско издателство «Неофит Рилски», 1999. 314 с.
14. *Калинова, Евгения*. Българските преходи 1939—2005 / Евгения Калинова, Искра Баева. София : Парадигма, 2006. 542 с.

15. *Велјановски, Новица*. Македонца во Југословенско-бугарските односи (1944—1953) / Новица Велјановски. Скопје : Институт за национална историја, 1998. 301 стр.
16. Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 / В. В. Марьина (отв. ред.). М. : Наука, 2004. 551 с.
17. *Салькоў А. П.* Балгара-югаслаўскія тэ-рытарыяльныя супярэчнасці ў савецкай палітыцы на Балканах (1941—1945) / А. П. Салькоў // *Веснік БДПУ*. Серыя 2. 2007. № 3. С. 37—41.
18. *Сальков, А. П.* Болгаро-югославский территориальный конфликт в советской концепции послевоенного урегулирования (1945—1948) / А. П. Сальков // *Веснік БДУ*. Сер. 3. 2008. № 1. С. 21—24.
19. *Сальков, А. П.* Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях (1919— 1949 гг.) / А. П. Сальков // *Вопросы истории*. М., 2008. № 5. С. 46—63.